

Анна Веммер

Победа или любовь

18+

*Его сводная
победа*

За шаг до любви. Романы Анны Веммер

Анна Веммер

Его сводная победа

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веммер А.

Его сводная победа / А. Веммер — «Эксмо», 2026 — (За шаг до любви. Романы Анны Веммер)

ISBN 978-5-04-247400-2

Книги Анны Веммер — новое слово в жанре современной сентиментальной прозы. Каждый роман автора — это трогательная история о семейных ценностях, дружбе и любви. Размеренная жизнь Элины Серебровой рухнула, когда отец привел в дом грубоватого парня и объявил, что Марк - его сын и сводный брат Элины. Их знакомство как-то сразу не задалось, хотя что могло пойти не так, если они в прямом смысле спасли друг другу жизнь? Но все же эти двое заключают пари: если побеждает Элина - Марк навсегда покидает ее семью. Если выигрывает Марк... Об этом Элина старается даже не думать. Она привыкла всегда быть на вершине и не знает, что значит проигрывать. Ставки необычайно высоки, и каждый из них готов на все, чтобы победить. Но что же на самом деле скрывается за маской соперничества? И чем закончится эта захватывающая игра, где на кону не только семья, но и их собственные судьбы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247400-2

© Веммер А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Веммер

Его сводная победа

© Веммер А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Я твой отец

Марк

Ненавижу этот гребаный мир, в котором приходится спать в машине и выживать на косярь в неделю.

В лучшем случае. Черт.

Со всей дури я хлопаю дверью машины. Откидываюсь на сиденье и закрываю глаза, стараясь игнорировать жалобное урчание желудка.

Однажды кто-то до хрена умный заявил, что в современном мире без работы не останешься. Мол, всегда есть возможность работать курьером или таксистом – а уж они-то защищают чуть ли не наравне с эскортницами. Так говорят, да.

Хотите знать, как оно бывает в реальности?

В такси тебя не берут. Потому что на раздолбанных «Грантах» уже давно не таксуют даже на самом дешманском тарифе. А денег на машину получше или аренду у тебя нет, а любой таксопарк просит кучу документов, которые тоже надо исхитриться как-то оформить.

В приложении для курьеров тебя блокируют после жалобы какой-то неадекватной бабищи, заявившей, что я украл ее заказ. Телке не хотелось платить за ужин, идиоту из техподдержки было в падлу разбираться, и вот волшебный источник бабла иссякает на глазах.

Что у нас остается?

Приложение «Услуги»: разнорабочие, грузчики, курьеры по вызову. Кидают чуть реже, чем каждый раз. Вот и сегодня я честно отвез целую гору документов из одного филиала какой-то говнориелторской шарашки в другой, а в качестве оплаты получил две сотки. Потому что опоздал. Я ж, мать их, повелитель пробок. Или они предполагали, что я поеду с тремя здоровыми коробками на метро?

На этом варианты заработать заканчиваются. Без прописки, без трудовой, без ИНН и прочего дерьма ты даже с паспортом никто и звать никак. Бомж. Парень, вот уже два года живущий в машине.

Начиналось все до банального просто. Оставшись в семнадцать лет без матери и других родственников, способных взять опеку, я запихал в рюкзак все, что смог унести, оставил записку, что в детский дом не пойду, а если попробуют заставить – сильно пожалеют. И свалил на ближайшей электричке куда глаза глядели.

А глядели они к давнему приятелю по дворовому хоккею, Андрюхе. Он был старше на три года и уже давно жил отдельно от родяков, учась в колледже. Андрюха оказался красавчиком: приютил, пристроил на подработку в автомастерскую, организовал мне права и помог купить старенькую «Ладу Гранту». А потом, дурак, связался не с теми людьми и поехал на зону. А мне пришлось съезжать с хаты: оплачивать аренду в одного я не мог.

У меня есть целая куча лайфхаков на все случаи жизни: где принять душ, где перекантоваться пару дней, если кончились бабки на бензин, где спрятаться от мороза, а где подцепить девчонку на ночь, насрать ей в голову тупой романтикой и трахнуть. Не то чтобы я этим прямо горжусь, но почему нет, если все по взаимному согласию и к взаимному удовольствию?

И все же я прекрасно понимаю, что долго так продолжаться не может. Если сломается машина – мне конец. Если я заболею – мне конец. Если не удастся заработать денег – мне конец.

Из этого замкнутого круга нет выхода, а тот, кто говорит «выход есть всегда», – нагло врет и не краснеет. Я искал этот выход много лет. Меня даже дворником не берут!

Ах да, забыл. Есть ведь телефонное мошенничество.

Порой этот вариант кажется не таким уж дерьмом: в тюрьме хотя бы кормят и есть крыша над головой.

Я заставляю себя перестать думать о всякой хрени. Завожу двигатель, ставлю телефон на зарядку и листаю новые заказы в приложении. Но ни один мой отклик не принимают в работу. И я откидываю сиденье, чтобы немного поспать. Когда спишь, жрать не так хочется.

Из дремоты меня вытаскивает стук в окно. Я раздраженно приподнимаюсь, намереваясь высказать этому дятлу все, что о нем думаю.

– Чего тебе? Стою по правилам, никому не мешаю, жду заказ. Такси надо?

В мое окно пялится какой-то странный мужик. Лет сорока пяти, может, сложно сказать. С коротко стриженными волосами и цепким, слегка жутковатым, взглядом. Неплохо одетый мужик – в явно дорогой куртке, с крутыми часами на запястье. Вряд ли он сядет в мою машину, разве что его кинул водитель, а мужик опаздывает в аэропорт.

Но увы, ему нужно вовсе не такси.

– Румянцев Марк Сергеевич? – спрашивает он.

Черт. Когда тебя называют по имени-отчеству – это не к добру.

– А что?

– Мы можем поговорить?

– Мужик, говори, чего надо, или вали. Ты мент, что ли? Так я ничего не нарушил, восемнадцать есть, машина моя, таксую легально, документы показать?

– Не нужно, я не из органов. Мое имя Сергей Серебров. Когда-то я знал твою мать.

Меня накрывает нехорошим предчувствием. Как в мгновения перед особенно сильным раскатом грома. Вдруг кажется, что жизнь в этот момент необратимо меняется.

Серебров делает паузу, как будто слова даются ему с трудом.

– Я твой отец.

Глава 2

Надо было слушать папу

Я настолько в шоке, что не придумываю ничего умнее, чем показать «отцу» средний палец. Серебров вздыхает, словно какой-то такой реакции от меня и ждал.

– Позволь мне объяснить, Марк. Дай мне пять минут. Пожалуйста.

Подумав, я решаю, что хуже уже все равно некуда, и выхожу из машины. Да и любопытство гложет со страшной силой, нет смысла скрывать. Исподтишка я рассматриваю мужика, пытаюсь уловить в нас сходство, но получается хреново.

Мы оба высокие, это да, но высоких в мире до хрена и маленькая тележка. У него темные волосы, у меня ближе к каштановым. Носы... как носы, никогда не умел их различать. Ничего общего, короче.

Может, он врет? Или что-то вынюхивает. Может, опер какой-нибудь, решил срубить палку на бездомном идиоте. Или вербовщик на всякие незаконные делишки. Они, конечно, в основном через сеть сейчас работают, но вдруг какие ретрограды еще собирают парней по улицам?

От машины я отходить не намерен. Сначала Серебров явно собирается спорить, но почему-то в последний момент передумывает. Мы так и остаемся у водительской двери.

– Около двадцати лет назад мы с твоей мамой, Румянцевой Аленой Николаевной, встречались. Это был короткий роман, я тогда... гм... переживал тяжелый развод, и твоя мама меня поддержала. Мы были вместе около полугода, когда она вдруг исчезла. Везде меня заблокировала, перестала выходить на связь, переехала. Я решил, что она нашла кого-то получше или на что-то обиделась. Было на что, если честно.

Он умолкает.

– И? На хрена мне эта душераздирающая сопливая история? Чего вам сейчас надо?

– Недавно мне принесли письмо от твоей мамы. Из-за стечения обстоятельств оно попало ко мне в руки только через два года после ее смерти. Она рассказала о тебе и попросила тебя разыскать.

Я стискиваю зубы. Напоминание о маме все еще отдается внутри тупой болью. У меня не было, кроме нее, никого. И вряд ли будет. У жизни на улице редко бывает хеппи-энд.

– Разыскали? Тогда прощаемся.

– Я хочу помочь, Марк. Я не знал о тебе, и этого не исправить. Но хочу тебя узнать. И могу помочь.

– Помочь? Я, по-вашему, нуждаюсь в помощи?

Серебров демонстративно окидывает взглядом машину и кучу хлама на заднем сиденье.

– Полагаю, да. Эй, я не враг. И не собираюсь набиваться тебе в папочки. Твоя мать просила помочь с работой и жильем. Сниму квартиру, сделаю документы, устрою на работу – и будешь вспоминать меня только на пьяных посиделках с друзьями. Что скажешь?

– Скажу, что жил без отца, и еще сто лет проживу. История складная, только вот знаешь что? Мама, когда я однажды спросил об отце, вдруг призналась, что она его любила, а он оказался женат. Так что иди в жопу, папа. Помогите жене, оплатите психиатра, она наверняка за столько лет с тобой головой поехала. Досвидос.

С этими словами я сажусь в машину и трогаюсь с места, оставляя Сергея Сереброва далеко позади, задумчиво (и, как мне кажется, немного виновато) смотреть мне вслед.

И все же, хоть мне и хочется оставаться холодным и равнодушным, я чувствую, как колотится сердце, к лицу приливает жар, а в груди что-то давит, мешая глубоко дышать.

Я злюсь, что реагирую, как несдержанная девица. Но вскоре оказывается, что все намного хуже. К вечеру, когда я нахожу уединенную парковку, поднимается температура. А утром, когда я выхожу из машины, чтобы добрести до аптеки и купить что-то от жара, сознание вдруг выключается, и последнее, что я помню, – холодный и мокрый после дождя асфальт.

Как будто судьба, издеваясь, говорит: «Надо было слушать папочку».

Глава 3

Марк

Элина

Люблю Москву с утра. Ни пробок, ни суеты, только чистые светлые улицы, ласковое утреннее солнышко и предвкушение нового дня. Я несусь по шоссе, ведущему от нашего загородного поселка напрямик к клинике, где прохожу летнюю практику.

Кто-то скажет, что проходить практику в клинике отца – это жульничество, а я скажу, что такого объема информации не на каждом предприятии найдешь. Меня обучают всему: от принципов управления до азов – то есть работы с пациентами. Папа считает, хороший управленец должен досконально понимать, как и что в его деле работает. От санитарок до нейрохирургов.

Так что всю эту неделю я как раз буду санитаркой в отделении интенсивной терапии. И немного нервничаю. Одно дело читать всякие стандарты оказания медпомощи и лицензии на медицинские услуги, другое – контактировать с тяжело больными пациентами. А если я что-то сделаю не так?

Но гораздо больше, чем накосячить на практике, я боюсь подтвердить стереотипы о тупых спортсменах. Больно вспоминать, сколько хейта на меня обрушилось, когда в прессе появилась информация, что Элина Сереброва учится на факультете управления бизнес-процессами. И семью припомнили, и факкапы, попавшие в прессу. Как будто то, что я оговорилась в интервью, делает меня клинической идиоткой.

Почувствовав, что снова начинаю заводиться, я сворачиваю к торговому центру. Он, разумеется, еще закрыт, но у входа есть небольшой киоск с божественным кофе. Мне срочно требуется доза кофеина и сахара.

Взяв айс латте с вишневым сиропом – я никогда не изменяю вкусам, – я возвращаюсь к машине. И вдруг вижу в отдалении нечто странное.

Сначала я принимаю это за бездомного и уговариваю себя сесть и уехать прочь. Но совесть не дает пройти мимо. А если ему плохо? Хотя, конечно, ему плохо, ничего хорошего в похмелье нет. И если я снова привезу в клинику бомжа, папа устроит мне хорошую взбучку.

Но все это – доводы разума. А ноги сами несут меня к телу на земле. Подойдя поближе, я понимаю: это не бомж. Тело лежит возле старенькой машины с открытой дверью. И, кажется, это молодой парень.

На ходу достаю телефон.

– Здравствуйте, нужна скорая на парковку ТРК «Шторм». Парень молодой, лет двадцать на вид, без сознания. Что? Нет, он не пьяный... Подождите, что значит от часа? А если у него с сердцем плохо? Да откуда я знаю, как давно лежит! Что значит, у вас нет бригад? Вы же скорая! А какой вызов тогда приоритетный?! С ковидом могут и подождать... Что? Нет. Нет, простите, я просто волнуюсь за парня, на алкоголика он не похож. Пришлите бригаду, пожалуйста, как можно скорее. Хотя... не надо, я вызову ему частную скорую. Да, я уверена, спасибо.

Не стоит ругать несчастного диспетчера. Этим летом в столице и впрямь разыгрался новый штамм ковида, бригады на выезде, сорок минут – это еще быстро для вызова «плохо на улице». Придется звонить в МТГ.

– Добрый день, Элина Сергеевна, чем могу помочь?

Мой номер там хорошо знают.

– Пришлите скорую к ТРК «Шторм», на парковку.

– Отправляю бригаду. Что у вас случилось? Позвонить Сергею Сергеевичу?

– Не у меня. Какому-то парню плохо, он потерял сознание.

По указаниям диспетчера я проверяю пульс (слава богу, есть!) и замечаю, какой он горячий. Парень с трудом открывает глаза и пытается сфокусировать на мне взгляд, но сознание его путается, а грудь тяжело вздымается. Приложив к ней ухо, я вздыхаю.

– Вы знаете, Оксана Валерьевна, я, конечно, не врач. Но у него, похоже, пневмония. Хрипы даже на расстоянии слышно, а на лбу можно яичницу жарить.

– Так, Элина, немедленно отойди на безопасную дистанцию, это может быть ковид.

Я только отмахиваюсь. Во мне прививок больше, чем в домашней кошке. Мир профессионального спорта жесток. Чтобы участвовать в соревнованиях, приходилось использовать все способы не заболеть, вплоть до народных.

Я почему-то не хочу отходить от парня. Надеюсь, ему легче оттого, что кто-то есть рядом.

– Скорая уже едет, – говорю ему. – Все будет нормально.

Ну, кроме того, что папа не будет в восторге, что снова придется платить за чужое лечение. Хотя, я думаю, он все же мной немного гордится. И хоть ворчит, оплачивая счета, ни разу еще не отказал, хотя мог одним словом запретить мне таскать в клинику бомжей и пьяниц.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, чтобы отвлечь бедолагу.

У него очень высокая температура.

– Марк... – даже имя он произносит с одышкой.

Глава 4

Безумие какое-то

Родители редко ругаются. Серьезно, я не знаю ни одной семьи, в которой родики бы не собачились каждые выходные... кроме нашей. Мама с папой, как любит говорить тетя, «живут душа в душу». Поэтому их голоса привлекают внимание, и я аккуратно крадусь к дверям кабинета отца.

Не то чтобы я часто подслушиваю. Просто сейчас почему-то чувствую, что стоит.

– Знаешь, Серебров, я вот иногда думала... ты – богатый, успешный, красивый. Я постараюсь, потеряю красоту и энергию, перестану тебя привлекать, ты найдешь любовницу, и она родит тебе сына, с которым наши дети будут дружить. Но ты меня охренеть как удивил!

– Брось, Кисточка, – раздаётся ласковый, но усталый голос отца, – я тоже постарею. И быстрее, чем ты. Поэтому главное – чтобы нам друг с другом было интересно. Вот тебе со мной интересно?

– Не то слово! Что делать-то будем?

– Понятия не имею. Он меня послал. Причинять добро насильно совершеннолетнему парню не получится. Договариваться он не хочет.

– Но нельзя же его бросить!

– Знаю. Но что ты предлагаешь? Засунуть ему кредитку за шиворот? Купить квартиру, привезти в нее и запереть? Может, обдумает все с холодной головой и решится позвонить. Я сунул ему визитку, вроде взял. Остынет, оценит перспективы. Не знаю. Меня больше волнуют дети. Как мы им такое расскажем?

– Словами через рот, – откликается мама. – Ложь приводит вот к таким вот последствиям. Они достаточно взрослые, чтобы понять.

– Не хочу портить Олежке отдых. Расскажу, когда вернется.

– Но Эльке нужно сказать сейчас.

– Думаешь, она меня возненавидит?

– Не думаю, что Элина вообще способна на это чувство.

Поняв, что больше не могу сдерживать любопытство, я захожу в кабинет.

– Мам, пап, привет. Чего секретничаем?

– Элина!

Мама подсказывает с дивана.

Я хмурюсь. Обычно она куда сдержаннее и спокойнее. Что же стряслось?

Папа устало улыбается.

– Заходи, детка. Садись. Как практика?

Хм... значит, отцу еще не доложили, что дочурка снова привезла неплатежеспособного пациента. Интересно, чем он так был занят, что не читал рабочий чат?

Похоже, момента лучше не найти. Папа явно собирается меня чем-то расстроить, значит, простит любой косяк. Особенно совершенный из гуманистических соображений.

– Как раз хотела с тобой поговорить. Сегодня... м-м-м... кое-что случилось.

Мама вздыхает: она уже знает, что я скажу. Либо я подобрала животное. Либо человека. Животное хотя бы пристроить можно, да и ветеринар дешевле частной клиники.

– Я поехала за кофе. И на парковке один парень потерял сознание. Я вызвала скорую. Обычную, как ты учил. Они сказали, что везде ковид, бригада будет минут через сорок – час. И тогда я позвонила в МТГ. Я правда испугалась, что у него сердечный приступ или что-то типа того. Он не был пьян, был опрятно одет и лежал рядом с открытой машиной. Явно вышел – и тут же отключился. Не злись!

Папа только отмахивается. Я едва удерживаю себя от того, чтобы присвистнуть. Неужели все так серьезно, что даже на мое воспитание не хочет тратить силы?

– В свое оправдание могу сказать, что у парня двухсторонняя вирусная пневмония и он в реанимации. Температура под сорок и поражение легких на ту же цифру. Жить будет, но ближайшие недели три – хреноваستنенько. Могу я попросить в качестве подарка на день варенья спасти ему жизнь?

– Забудь о нем, я все оплачу. Элина, сядь, пожалуйста.

А вот теперь мне не по себе.

Сажусь рядом с мамой и по выражению ее лица пытаюсь угадать, что случилось. Хорошо, что я подслушала их разговор, иначе решила бы, что они собрались разойтись.

– Зимой я получил письмо. Оно потерялось, его случайно нашла новая хозяйка квартиры, где я раньше жил. Это было письмо от моей бывшей подруги. Я встречался с ней еще до встречи с твоей мамой. Эта женщина была тяжело больна. И поэтому решила рассказать, что у меня есть сын. Взрослый сын. Из-за того, что письмо потерялось, он оказался в сложной ситуации и вынужден жить на улице. Так что я его разыскал и предложил помощь.

Я молчу, пытаюсь уложить новость в голову. У папы есть сын.

Не могу представить его рядом с кем-то, кроме мамы. То есть, конечно, я знаю, что папа был женат, да и в целом пользовался у женщин успехом. Но я просто не помню время, когда они с мамой не любили друг друга. И с трудом могу представить его сына.

Какой он? Как жил? Знает ли что-то об отце? А как отреагирует на нас с Олегом, захочет ли общаться?

Стой, Элина. Стой, притормози.

– Значит, у тебя есть сын.

– Да. Это шок и для меня, и для мамы. Поверь, милая, я не бросал своего ребенка. Если бы я знал... хоть догадывался о его существовании, все было бы иначе. Но я бы хотел участвовать в его жизни, понимаешь? Стать ему отцом... насколько это возможно. Ты же всегда мечтала о старшем брате, помнишь? Говорила, надоело быть старшей!

– Мне было восемь, пап. Я точно не имела в виду «хочу в восемнадцать лет узнать, что у меня есть старший брат, который живет на улице». Думаю, мне просто не хотелось получать за косяки в одиночестве. Ты уверен, что ему стоит жить с нами? Может, снимем ему квартиру и сначала познакомимся?

На самом деле я просто боюсь оказаться наедине со взрослым парнем в пустом доме. До холодной дрожи боюсь. Но скорее умру, чем признаюсь в этом отцу.

– Элина... – папа подходит, обнимает меня за плечи и утыкается носом в макушку. – Ты всегда будешь моей любимой дочерью, и отсутствие общей ДНК ничего никогда не изменит.

– Я знаю, – вздыхаю я.

– Уверен, вы с Марком подружитесь.

С Марком... Погодите-ка... моего брата зовут Марк? Да нет, невозможно, это же безумие какое-то!

Глава 5

Найденыш

– Сергей Васильевич, – Валентина заглядывает в кабинет, – тут у меня документы на вашего этого... найденыша. Что с ними делать?

– Найденыша?

Серебров отрывается от компьютера и недоуменно смотрит на секретаря. О чем она?

– Парнишка с пневмонией. Реанимация выставила счет, но документы подписывала Элина Сергеевна...

А, точно. Парень, которого подобрала Элька, Серебров и забыл о нем в хаосе последних дней.

– Давай сюда, я оплачу сам.

Едва заметно Валентина улыбается. Элька – местный мем. Скольких она уже притащила с улицы, требуя спасти, вылечить и отогреть? Ладно если людей, как-то раз притащила огромную бездомную собаку. Он даже подумал, что это волк, охреневший от страшной девицы, решившей причинять добро и наносить радость. Оказался милой дворнягой и уже три года живет с ними.

И хоть он ругает дочь за непредсказуемую статью расходов, если вдуматься, жаловаться ему не на что. Другие дети разбивают тачки и бухают на европейских курортах. А Эля к своим восемнадцати и сама небедная девица: успешная карьера фигуристки приносит дивиденды. Так что от него не убудет. В качестве компенсации мирозданию.

– Все будущие счета Румянцева направлять сразу вам? – уточняет Валентина.

– Да, скидывай на поч... погоди, чьи счета?

– Ну парня этого. Румянцев Марк Сергеевич, две тысячи пятого года рождения.

Черт, и когда он привыкнет к тому, что дети две тысячи пятого года уже могут водить, трахаться и жениться. В его голове они все еще где-то между первыми походами на горшок и трехколесными великами. Быстро летит время.

И странно.

Какова вероятность, что в Москве, где только по официальным данным проживает тринадцать с лишним миллионов человек (а по неофициальным еще столько же – если судить по пробкам), именно его дочь на безлюдной парковке встретит его сына и спасет его от пневмонии?

Серебров поднимается.

– Вы надолго? – уточняет Валентина. – Мне еще нужно согласовать расписание на следующую неделю.

– Схожу к найденышу. Справлюсь о самочувствии и заверю, что все счета оплачены. А то решит сбежать в трусах через окно, еще и задницу простудит.

Упрямый осел. Принял бы его предложение – не валялся бы без сознания возле машины. Весь в отца.

Румянцева уже перевели из палаты интенсивной терапии в обычную. Но еще не поставили на ноги. Конские дозы антибиотиков, ингаляции и горсти таблеток – вот его ближайшее будущее на несколько недель. А потом еще реабилитация и... шансов съехать с внезапных родственных связей у парнишки не останется.

– Ну, привет.

Марк хмурится.

– Как вы меня нашли?

– Да не я. Добрые люди нашли, помогли. В больницу вот привезли и подлечили. Я только сегодня узнал. Везучий ты, Марк. Мог бы там и отъехать.

Он надсадно кашляет, и Серебров узнает шевельнувшееся где-то внутри чувство. Оно возникало каждый раз, когда болели Эля или Олег. Детей было жалко, за детей было страшно, детям он был готов отдать свое здоровье, лишь бы они перестали мучиться.

Странно, что это чувство возникло по отношению к Марку. Он ведь видит его второй раз в жизни.

– Мне полагается сказать спасибо?

– Тому, кто тебя спас? Потом скажешь. Или подпиши открытку, передадим.

– Вам. За оплату счетов. Это же не волшебная московская медицина.

– На благодарности не претендую. Но рассчитываю на сознательность. Давай договоримся: ты можешь относиться ко мне как угодно, быть гордым, самостоятельным и независимым. Но только после того, как врач даст добро на выписку. Пневмония – это не прыщ, от нее умирают. Прервешь лечение, выработается резистентность, и недолеченную пневмонию не возьмет ни одна таблетка. Конец, эпилог. Так что лежишь, пока врач не помашет ручкой. Договорились?

Марк долго молчит, и Серебров всерьез размышляет над тем, чтобы запереть его палату. Но вот какая штука: это незаконно. И объяснять ментам, что он хотел как лучше, не хочется. Однажды у него уже был такой опыт, ощущения ниже среднего.

Наконец, сын кивает:

– Хорошо. Но это ничего не меняет. Я не стану примерным сыночком и не буду успокаивать вашу совесть.

– Да в жопу совесть, – отзывается Серебров. – От нее постоянно какие-то проблемы.

Глава 6

Вашему папе зять не нужен?

Марк

Приход человека, называющего себя моим отцом, выбивает из колеи. Я снова злюсь, а от невозможности уйти из больницы психую. Сам не знаю, почему так реагирую. Любой другой радовался бы на моем месте: объявился богатый папочка. Можно расслабить булки и жить, ни в чем себе не отказывая. А я бешусь и отказываюсь от свалившегося на голову бабла.

Но ничего не могу с собой поделать. Серебров бесит.

Завел интрижку, заделал ей ребенка, бросил, а теперь такой весь в белом «позволь я тебе помогу». Сука. Помогать надо было, когда мы в этом нуждались. А теперь твои бабки никому уже не помогут. И тебе не помогут. Надеюсь, тебя жена на хрен бросит, узнав обо мне. Хотя сомневаюсь, что он ей сказал. Наверняка надеется повернуть все втихую.

Мне слишком хреново, чтобы свалить, иначе я давно бы уже это сделал, насрав на все обещания. Но каждые несколько минут меня скручивает от адского кашля, а если медсестра чуть задерживается с градусником и лекарствами, подсказывает температура.

Этого стоило ожидать. Странно, что пневмонию я подхватил только сейчас, хотя живу в машине довольно долго. Крепкий, продержался.

Сегодня медсестра другая. Совсем молоденькая, фигуристая и симпатичная. Темные волосы уложены в блестящее идеальное каре, губки полные, вся тоненькая, но очень сексапильная. Даже в мешковатом медицинском костюме. Так интереснее: интрига развивает фантазию.

Как-то сразу вспоминается, что уже почти три месяца нет секса. Когда хочется жрать, вообще не до потрахушек, а чтобы снять хоть какую-то приличную телочку, надо ее где-то выгулять. Даже романтические поездки за город с любованием звездами стоят бабок на винуше, закусон и резинки.

К слову, траха в больничке у меня еще не было.

Я живо представляю, как медсестричка сладко стонет у меня на члене, исступленно хватаясь за стойку капельницы, и непроизвольно облизываюсь.

Интересно, меня хватит на хороший секс сейчас или сердечко в охренении от нагрузок остановится? Вот будет неловко реаниматологу. И Сереброву, опять же, дополнительные расходы.

– Как самочувствие? – спрашивает медсестра.

У нее интересный голос. Я ожидаю мелодичного нежного придыхания, а у нее довольно низкий для девушки тембр. Не странно низкий, а очень возбуждающий. Спокойный голос, удивительно ей подходящий.

– Уже получше, – хмыкаю я и тут же кашляю.

Нет, все же не выдержу. Обидно.

– Хорошо. Ты едва не умер. Нельзя так, надо обращаться за помощью. Тебя обязаны принять, даже если у тебя нет полиса ОМС или документов.

– Буду знать.

Она наклоняется, чтобы надеть мне на руку манжету тонометра, и в вырезе рубашки открывается шикарное декольте. Два небольших упругих холмика, обтянутых тканью спортивного топа. Малышка серьезно относится к обязанностям.

А еще носит на шее маленький серебряный конек на цепочке.

Делая вид, что тянусь к подвеске, чтобы рассмотреть, я захожусь в притворном приступе кашля. Дергаю рукой и кончиками пальцев провожу по ключице.

Она нервно отстраняется, щеки заливают легкий румянец. Но молчит, ждет, когда аппарат выдаст значение. Да там сейчас «ноль на триста» будет – все давление ниже, в члене, на верхнее ничего не осталось.

– Девушка, – приподнимаюсь и заглядываю в ее огромные глаза, когда она убирает тонометр, – а вашему папе зять не нужен?

Обхватываю ее талию и тяну на себя. Она изящно падает мне на грудь, выгибая спинку так, что я чувствую этот изгиб. Наверняка, сидя на мне, она чувствует многообещающую твердость у меня в паху. Мы смотрим друг другу в глаза, чувствуя, как нас накрывает вожделием. И в следующий миг жадно целуемся.

Ну, это в фантазиях.

В реальности я едва успеваю приобнять ее за талию, как медсестричка размахивается и дает мне мощную пощечину.

Зовите реаниматолога. И Сереброва с калькулятором. Кажется, мне понадобятся еще зубные импланты.

– Нет, спасибо, наш папа еще с сыном не разобрался. Иди в ванную, подрочи. Только не увлекайся, а то судороги начнутся, член зажмешь, придется ампутировать. Думать станет нечем.

Забрав прибор, она вылетает из палаты, напоследок хлопнув дверью.

– Справедливо, – вздыхаю я.

Но, как говорится, можно и в морду получить, а можно и трахнуть. Чаще, кстати, второе. Многие ведутся на плохих мальчиков – если те достаточно симпатичные и обаятельные.

Откинувшись на подушку, я улыбаюсь как debil. Кончики пальцев еще горят от прикосновения к ее коже. Хороша.

Когда я двигаюсь, поверх одеяла что-то соскальзывает на пол. Успев поймать, я понимаю, что это бейджик – наверное, свалился с нее, когда я под видом приступа кашля залез ей в декольте.

«Сереброва Элина Сергеевна, стажер».

Да идите на хрен! Вы издеваетесь, что ли?!

Глава 7

Идиот из палаты номер шесть

Элина

Идиот! Скотина!

Вот такая благодарность за спасение его шкуры?! Прimitивно облапал, озабоченный мудаком? Я ему спасение, шикарную клинику с полным пансионом, а в ответ получаю приставания на уровне вокзального быдла?

Вот тебе, Эля, жизненный урок. Твоя доброта никому не вперлась. Ни один алкаш не был благодарен за спасение от холодной смерти, каждый норовил свалить из больницы на поиски очередных ста грамм. Ни один бомж не стал на путь исправления после того, как твоими силами и отцовскими деньгами его приводили в порядок.

И этот придурок-извращенец, похоже, не станет человеком.

– Все. Больше никаких спасений! Я – черствая циничная стерва, которой плевать на страдания окружающих. Буду спасать животных. Они и то приличнее себя ведут. И ветеринары стоят дешевле.

Настроение окончательно испорчено, а ведь после практики у меня съемки. Надо быть свежей, веселой и заряженной на работу. Потом тренировка, потом нужно заехать и забрать маму из галереи. Столько дел, совсем некогда сидеть в ординаторской и психовать на идиота из – вот совпадение! – палаты номер шесть.

Что ж, значит, пусть долечивается и катится на все четыре стороны. Люди часто при виде меня думают, что я – эдакая феечка, не приспособленная к реальной жизни. Обычно девушки моего круга выглядят иначе – эффектнее, ярче, дороже. Они не носят потертые джинсы с оверсайз-футболками. А если и делают это, то мастерски подчеркивая недостаток и принадлежность к золотой молодежи.

Но фишка в том, что когда ты всерьез занимаешься спортом, то учишься стоять за себя и огрызаться. Поэтому возникает диссонанс: как это Элочка, которая только что спасла котенка и накормила бездомного, вдруг ругается трехэтажным матом, потому что идиот на «десятке» решил поучить тупую телочку на дороге и едва не угробил обоих.

Я быстро переодеваюсь, окидываю себя взглядом в зеркало и снова бешусь: хочется плотнее запахнуть рубашку. Все из-за идиота в палате. Наверное, я никогда не привыкну к такому.

Фигуристки, особенно топовые, постоянно в фокусе общественного внимания. Каждое выступление разбирают посекундно, считают недокруты, обвиняют в «грибах», в некачественной технике, в деревянном теле, в отсутствии понимания программы и так далее. А еще... обсуждают наряды, фигуры, сексуальность. Под видео с моими выступлениями тысячи пошлых комментов. В сети лежат целые подборки фото с соревнований или шоу, на которых видно кусочек груди или обнажившуюся ягодицу. Существуют арты и генерации нейросети, о которых я не хочу думать. Фанфики, в которых написано такое, что единственное, о чем стоит молиться, – чтобы они не попались на глаза отцу.

Так что я нервно отношусь к попыткам меня облапать. Ибо за-дол-ба-ли!

– Пока, Эль! – кричит старшая медсестра.

Я машу ей и через служебную лестницу спускаюсь к парковке. Неплохо бы пообедать. Обычно я ем в больничной столовой, вместе с остальным персоналом, но сегодня хочется посидеть где-то в тихом месте и обдумать события последних недель. Их, увы, слишком много, даже если исключить идиота из палаты номер шесть.

Погруженная в свои мысли, я не сразу замечаю, что возле моей машины стоит какой-то парень. Смутно он кажется знакомым, но я не помню, где видела его раньше.

– Эй, ты! – кричит он.

Я замираю, интуитивно чувствуя, что подходить ближе не стоит.

– Довольна?! Небось едешь праздновать, сука?!

Он быстрым шагом направляется ко мне, и я не хочу выяснять, что будет дальше. Понятия не имею, что я ему сделала. Может, подрезала на дороге, может, заблокировала в сети или попросту не ответила на его сообщение – в нашей профессии такое часто бывает.

Несусь обратно к двери клиники, инстинктивно понимая, что не успею. Я слышу шаги совсем рядом. Парень хватает меня за запястье, больно сжимает и тянет на себя.

– Куда собралась, дрянь?! Я тебе сейчас мордаху подправлю!

– Пусти меня! – я пытаюсь его отпихнуть, но любая, даже тренированная, девушка не может справиться со здоровым высоким парнем.

– Ща тебе медаль под глаз постав...

Дверь распахивается. Я надеюсь, это охрана, увидевшая на камерах происходящее. Но мелькает больничная пижама – кто-то из пациентов вышел покурить.

– Слышь, ты охренел?! – раздается знакомый голос.

Идиот из палаты номер шесть бьет парня по морде прежде, чем я или он соображаем, что происходит. От неожиданности пальцы нападавшего разжимаются – и он падает на асфальт. К счастью – на миг мое сердце едва не останавливается – не ударяясь затылком. Иначе идиот из палаты стал бы идиотом из тюремной камеры.

В полной растерянности я смотрю на поверженного парня.

– А у нашего папули бабки на лечение черепно-мозговой травмы найдутся? – задумчиво спрашивает Марк.

Глава 8

Статья 112 УК РФ

Марк

Зашибись сходил покурить.

После ухода медсестрички, оказавшейся не кем иным, как моей сестрой (не бывает, блин, таких совпадений!), я твердо решил: долежу свой срок – и свалю куда-нибудь на другой конец страны, чтобы эта ненормальная семейка от меня отвалила. Забыть новоявленного папашу как страшный сон, найти работу, жилье – и все в шоколаде.

Но...

– Румянцев, – в палату заглянула другая, уже знакомая медсестра, – тебя к телефону.

– Чего?

Телефон остался в машине, а ее, насколько я знаю, так и оставили на парковке, запертую. Звонить мне некому, особенно сюда.

– Точно меня?

– Тебя, тебя, Андрей какой-то. Давай, иди в сестринскую, пока я не передумала. Телефон, вообще-то, для родственников.

И тут я уже вскакиваю как ошпаренный. Андрюха просто так звонить не может. Андрюха на зоне!

– Брат, привет, – слышу я знакомый голос друга.

С тех пор, как ему вынесли приговор, мы ни разу не говорили. Андрюха строго запретил даже всуе упоминать его имя. И если сейчас он мне звонит, да еще и в больницу, дело – труба.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Длинная история. Не важно. Слушай, брат, ненавижу просить, но мне нужна помощь.

– Какая?

– Я тут... с серьезными людьми в контракх. Откупиться надо. Денег. Можешь достать?

– Откуда? Я сам на мели, чуть без лекарств не сдох.

– Твою мать. Хреново. Вообще никаких вариантов? Темный, они меня тут зарежут! Помоги ты, ну пожалуйста, ну я же твою жопу спас!

Я вздрагиваю от знакомого «Темный». Так меня давно никто не называл. Когда-то кличка казалась крутой. Марк – мрак – темный. Брутально.

– Не знаю, Андрюх, дай подумать. Сколько денег?

– Тыщ пятьсот бы. На меньше не согласятся.

Меня пугает голос друга – он явно в отчаянии. Андрея я помню совсем не таким. Сильным, уверенным в себе, дерзким и беспечным. Сейчас он едва не рыдает, и я слышу, как дрожит его голос.

– Время есть? – хмуро интересуюсь.

– Месяц дали.

– Попробую что-нибудь придумать. Понятия не имею, что именно. Но попробую.

– Спасибо, Темный, – с явным облегчением выдыхает Андрюха. – Спасибо. Ты мне жизнь спасаешь. Спасибо, брат.

Хотел бы я чувствовать какую-то гордость, но на самом деле лишь ощущаю, как накатывает усталость. Найти пол-ляма за месяц... Теоретически тысяч за триста, если подшаманить, можно загнать тачку. А еще где две сотки найти и на что жить?

Поняв, что надо покурить и все осмыслить, я тайком выбираюсь из палаты и иду во внутренний двор, на парковку. Уже взявшись за ручку двери, слышу странные звуки, напоминающие крики. А выйдя на улицу, вижу медсестричку и какого-то амбала, хватающего ее за руку.

– Ща тебе медаль под глаз постав...

Инстинкты срабатывают прежде, чем я успеваю оценить обстановку.

– Слышь, ты охренел? – предупредительно интересуюсь я.

И сразу бью в челюсть. Потому что будем честны: никто еще после вопроса «ты охренел?» не ответил «ой, и правда, чего это я».

Амбал валится на землю и затихает. Но вроде живой. Просто слегка... как там говорится... сконфуженный. Или контуженый. Не очень разбираюсь.

– А у нашего папули бабки на лечение черепно-мозговой травмы найдутся? – задумчиво интересуюсь я, размышляя, добавить уроду или пусть пока предыдущая мудрость усвоится.

Лапать сексуальную медсестричку, которая меряет тебе давление, – это одно. А хватать ее за руки на парковке – это...

Статья 112 УК РФ, если честно.

Глава 9

Девушка – огонь!

Спустя несколько часов мы, как два нахлебавших школьника, сидим перед Серебровым в его кабинете. Ждем, когда он закончит просмотр камер и вынесет вердикт. Хотя, как по мне, никакого вердикта здесь быть не может. Урод напал на девчонку, урод получил в табло. Какие ко мне претензии? Не хочешь получать в табло – не напрашивайся.

Жаль, такой статьи нет.

– Ты уверена, что его не знаешь? – спрашивает Серебров у медсестрички.

– На сто процентов. Смутно лицо вроде бы знакомое, но это может быть кто угодно: болельщик, подписчик, волонтер.

– И почему он на тебя напал, тоже не сказал?

– Нет.

Мне ее даже жалко. Несмотря на бодрый вид, девчонка явно испугалась. И сейчас, украдкой, думая, что никто не видит, от нервов отковыривает защитное стекло от собственного айфона.

– Ладно, разберемся. Марк...

Он смотрит на меня изучающе. Ненавижу такой взгляд.

– Я должен поблагодарить тебя за помощь. Неизвестно, что случилось бы, если бы ты не вмешался. Это мужской поступок.

– Проехали, – бурчу я. – Просто вписался в драку. Бывает.

– Боюсь, это не «просто вписался». Хорошо. Давайте по порядку. Элина, это Марк, тот самый молодой человек, о котором я рассказывал.

Серебров делает паузу, словно сомневается, стоит ли произносить следующие слова.

– Мой сын. Марк, Элина – моя дочь. Жаль, что вы познакомились вот так. Я рисовал более... гм... цивилизованную встречу. Но что уж теперь. В общем, расклад такой. Записи с камер в полиции вместе с нашим заявлением. От ответственности урод не уйдет, я позабочусь. Однако я представляю, как будет вести себя эта падаль. Он наверняка напишет на тебя, Марк, заявление. И доказывать, что это была самозащита, придется в суде.

– Да он первый полез, вы охренели, что ли?! Мне надо было стоять и смотреть, как он там ее насилует?! – взрываюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.